✿ ✿ ✿

ВСПОМИНАЛ, КАК ты обитала среди рамок,
таблиц, граф
моего сознания, глядя на эту сырую весну
в окно;
вспоминал, как выводил тебя, как букву —
каллиграф,
чтоб ты меня после вывела — вывела, как пятно
со своего плаща; вспоминал, как вывел тебя
на свет,
чтоб ты меня вывела из себя, как из кухонного
шкафчика — муравьёв.
Я вывел тебя из себя; теперь тебя во мне нет.
Я стал свежим и безжизненным,
как выстиранное белье.
Я открыл тебе тебя самой, как континент,
чтобы после ты меня открыла, как бутылку
с водой
и вылила меня из себя; теперь тебя во мне нет.
Я стал пуст, а раньше был полон тобой.
Я вывел тебя, как новый вид, чтобы ты после
смогла открыть
меня, как континент, как книгу, которую надо
прочесть,
но для этого мне надо тебя, тебе надо меня
забыть.
И поскольку ты не сможешь, всё останется так,
как есть.

✿ ✿ ✿

Только бы жить...
Хоть на литейном заводе служить.
Г. Иванов

ТОЛЬКО БЫ ЖИТЬ, работать, хоть
на целлюлозно-бумажном,
но лучше крупным чиновником и чтоб за всю
жизнь — ни одной катастрофы.
А ещё лучше вот так, как есть, — рантье:
просыпаться поздно, но уверенно и отважно,
уверенно и отважно, чтоб записывать свои
лучшие строфы
о том, что проснулся вот так — уверенно
и отважно,
что будущее прекрасно, потому что стабильная
рента;
что только бы жить, работать, хоть
на целлюлозно-бумажном,
хоть с ломом в руках, по колено в воде,
по сменам и в экскрементах;
что главное — жить, как — совершенно неважно,
подумал об этом, прожевав восьмой круассан
с вишнёвым вареньем
после яичницы с ветчиной, и записал
эти строки уверенно и отважно,
уверенно и отважно глядя в будущее, записал
это стихотворенье,

о том, что главное — жить, работать, хоть
на целлюлозно-бумажном,
хоть грузчиком, хоть дворником, но можно
и так — безработным,
ведь главное — жить, всё остальное —
совершенно неважно,
думаешь. И решаешь, что завтрак всё же был
слишком плотным.

✿ ✿ ✿

ВЫТРИ СЛЁЗЫ, успокойся, выпей немного
вина:
впереди у меня трудный день:
мне сегодня пустую чашу надо испить до дна,
как сказал учитель прежде, чем превратился
в тень.
Учитель сказал, что он больше не нужен: пойму
всё сам,
когда пустую чашу свою изопью до дна, —

и превратился в тень бесценную, как слеза,
как те слёзы, что льёшь сейчас и вчера лила
допоздна.

Учителя я встретил — как помнишь — год
назад,
когда меня интересовали только твой бюст
и зад.
Учитель это понял и сказал, что всё это ерунда.
И я поверил ему. Я верил ему всегда,
потому что вера — это стержень, который
не даст пропасть,
потому что — сказал учитель — человек
не трава и не листва.
Учитель сказал, и я забыл про страсть
к тебе; за это ты возненавидела учителя и его
слова.

С тобой, подруга, мы жили два года, точно одна
душа,
в маленьком домике, гуляли по одним и тем же
местам.
Но пришёл учитель и помешал
В паспорт поставить штамп.
Потому что — сказал учитель — надо всегда
идти вперёд,
а как же пойдёшь, когда жена тебя в дом зовёт.
Дома пироги с жару, дымятся щи,
и вернешься в дом, как не верещи.

Я пошёл вперёд, ты пошла за мной,
надеясь, что вернёмся вдвоём домой.
Надежда — сказал учитель — всегда обман.
И ты не нашлась, что ответить, хоть
и вывернула карман.
Смирись, подруга, тем более долго — знаю —
не будешь одна.
Моё лицо, как и любое, легко заменить другим.
А теперь я изопью пустую чашу свою до дна.
До дна, чтоб узнать, что лежит за ним.

✿ ✿ ✿

ДЕЛО МОЁ НЕ ТРУБА, не флейта,
не саксофон.
Дело моё не труба, не гаечный ключ,
не молоток.
Дело моё старый дисковый телефон.
Говорю, вроде кто слушает, раз не идёт гудок.

Раз не идёт гудок — значит, кто-то с другого
конца
провода слушает, что говорю ему.
Мои слова действуют, как на цветок — пыльца,
на слушающих. Я разношу пыльцу.

Дело моё — старый дисковый телефон,
а ты слушай, тот, который с другого конца
провода: дело твоё — гаечный ключ
или саксофон,
поэтому мне не надо знать твоего лица.

Напрягай уши, впитывай слов пыльцу.
Каждое слово на золото вес.
Каждое слово моё будет тебе к лицу;
будешь красив, как бес,

говорю это, трубку сжимая в худых руках,
говорю, сколько не помню уже.
Раз гудок не идёт — значит, голос мой в чьих-то
ушах.
Мне велели уши глаголом жечь.

Мне сказали, что надо в трубку вот так слова,
что там кто-то слушает с другой стороны.
Мне сказали, и в это верит моя голова.
И я говорю. Жаль, в ответ слова не слышны.

✿ ✿ ✿

НЕ БУДЕМ мудрствовать:
поедем на необитаемый остров
(маленькая, полудикая африканская страна,
где на белых смотрят, как на чудо природы,
отпадает: нам не затеряться среди туземцев,
придётся быть всегда на виду,
скудными средствами

лечить их тропические болезни,
пытаться вдолбить гравий науки
в их расплавленные солнцем мозги). Едва
вступив на обитаемую — теперь! —
только нами! — землю, представим,
что все забыли (конечно же,
я не смогу даже представить, что
забыл тебя, — это будет единственным
исключением,
подтверждающим торжество амнезии).
Будем по-новому открывать мир, играть
в эврику:
я буду учиться завязывать галстук,
ты — заплетать косы, будем недоумевать,
откуда берутся дети, и питаться тем,
что пошлют нам деревья.
Я уже взял билеты, но,
чтоб не уезжать одному, не двигаюсь с места,
изобретаю софизмы, например этот:
если я остаюсь на месте,
то по-прежнему остаюсь с тобой.

✿ ✿ ✿

КОГДА-ТО РАСКАЛЫВАЛСЯ, теперь —
рассыпаюсь на части.
Все иллюзии сдуло, чтоб уже ничего не искал.
И теперь я не знаю: задохнуться или жить,
задыхаясь от счастья,
бросаться на скалы или бросаться со скал.

Ещё существую, таскаю больное, обрюзгшее
тело.
Смотрю в окно (окно — это мой
наблюдательный пункт),
там снующие люди, они точно знают,
что им надо делать.
Я не знаю. Это мой социо- и ещё
неважно-какой-то там бунт.

Я распадаюсь на части. Я — чистый продукт
распада.
Я не выхожу из комнаты, чтоб не смешиваться
с толпой.
Я не знаю, что лучше: чтобы ты была,
черногривая, рядом
или как сейчас, когда в тебя кончает
кто-то другой.

Когда-то выламывал двери, чтоб увидеть,
что за ними твориться.
Теперь веду монологи со связкой ненужных
ключей.
Я знаю, что надо лишь ждать и когда-нибудь
всё прояснится.
Всё прояснится. Но — не знаю зачем.

✿ ✿ ✿

МАРТ. НОЧЬ. За окном кошаки орут свои
любовные песни.
Моя любовная песнь заглохла, поэтому мы
сейчас не вместе
либо наоборот: не важно, какую причину
указать в тексте.
Главное — результат. Из результата слагается
тесто текста.
Какова подруга, таков и текст. Текст — это
форма бегства
от результата, который имел в этой жизни место.

Всё это — философия. Писать, чтоб
не выговориться, но забыться.
В отличие от той же водки на утро не тянет
опохмелиться:
голова не болит и мысль порхает, аки жар-птица.
Пишу до изнеможения, пока глаза не начнут
слезиться,
чтобы не видеть, как облизываю тексты, точно
щенков — лисица,
дабы ещё раз на вкус то, что никогда
не осуществится.

Всё это — психология. Надо писать о насущном,
о настоящем.
О том, что соседи считают меня спившимся
и пропащим;
о том, что я заблудился в жизни, аки в дремучей
чаще;
о том, что в холодильнике пусто и в кармане
ни сотни;
о том, что не дождаться ни госпомощи,
ни господней;
о том, что нет даже костюма, так что хоронить
будут в исподнем.

Вот об этом надо писать, а не о любовных
песнях,
что горланят кошаки в моих же текстах
по результату пустого места
в пространстве с собою любимым рядом.
Ты сказала «прощай». Значит — прощай.
Значит — так надо.
Вот и выходит, что пишу исключительно
о процессах распада.

✿ ✿ ✿

ЖИЗНЬ СОШЛА с лица, точно грязный снег
с земли,
сошла, как сходят с ума от неразделённой
любви,

как усталый герой второго плана
с телеэкранов.
А когда-то жизнь пахала в нём, как Стаханов.

Да и он сам пахал, как ломовая лошадь,
поэтому он был человеком хорошим.

Теперь он лежит в гробу, гроб — на 6 табуретках.
Вот жена целует его в лоб, почтенно и крепко,

ведь был он хорошим мужем:
никогда не бил и не брал больше, чем пол-литра
на ужин,

воспитывал сына, учил футболу
(сын сегодня счастлив, потому что не надо идти
в школу).

Теперь он лежит в гробу, как будто бы
на картинке.
Бабы по обязанности подвывают. Скорей бы
поминки,

думают мужики. Жизнь сошла, как загар —
с лица,
как сходят с поезда, если твой вокзал.

Вот живёшь, воспитываешь молодца,
И вот тебя нет, хотя вроде ты никуда
и не пропадал,

рассуждают мужики, выйдя на перекур,
это как пошёл за водкой, но без купюр,

добавляют и дальше: хороший он был мужик,
тянул словно трактор, а теперь вот в гробу
лежит.

Жизнь сошла и не вернётся обратно,
думает дед Макар, и ему становится
неприятно

думать об этом, ведь скоро и самому лежать
в гробу, а гроб — это далеко не кровать.

Дед возвращается в комнату, смотрит
на мертвеца,
радуясь, что жизнь пока с его не сошла лица.

✿ ✿ ✿

ПОСТАВИВ СТРУЯМ лицо дождя
сохраняя существования идеальный ритм
всё сбудется надо только ждать
готовиться изнутри
возвести на склоне горы
крепость и наточить ножи
надо готовиться изнутри
и чтобы кругом не было ни души

из бочек извлечь пробки с вином
земля слушать впитывает вино
и чтоб ни души ни души кругом
и свечи задуть чтоб совсем темно

изнутри значит всё под наждак
и чтоб ни души ни души кругом
всё сбудется надо только ждать
откладывать на потом

поставив струям лицо дождя
чувствовать как бежит по лицу вода
надо готовиться изнутри ждать
зная что не сбудется никогда

✿ ✿ ✿

ГИБРИД ГОРОДА и деревни,
но никакого уважения к богам, что творят
деревья.
Деревья — источник сырья
для целлюлозно-бумажного комбината.
Не знаю, как Европа, но Кондопога в лучах
заката.
Ребятишки с первого класса
начинают низводить Энгельса и Маркса.
Петя мечтает заниматься рекламой.
Маша лечь под миллионера, чтоб стать
респектабельной дамой.

Главное быть как все, главное — не выглядеть
маргиналом.
Надо приучить находить себе счастье в малом
(желательно — в наименьшем):
В день бутылка портвейна и никаких женщин.
Дни сливаются с днями, ночи — с ночами.
Какой день недели? И жмёшь плечами.
Вон пацан-сосед устроил охоту на девок.
Значит, часы ещё ходят, хоть циферблат
без стрелок.

✿ ✿ ✿

ПРЕКРАСНЫЙ ВИД из окна: хрущёвка
и трансформаторная будка.
В однокомнатной клетушке на кровати
дед-паралитик, под кроватью — утка.
Получив аттестат зрелости, сам я лишился
рассудка,

как говорит соседка по этажу. Работаю
на целлюлозно-бумажном.
По колено в воде, по сменам, молоденький
и отважный.
На такое способен, конечно, не каждый.

После смены идём с мужиками в забегаловку
возле рынка,
берём крепкого пива. Симпатичная официантка
Маринка
смотрит на меня так, будто у меня в спине
торчит финка.

Спать приходится с тётками: не требуют денег
в отличие от ровесниц,
а это решающий фактор, когда зарплату
не выплачивают четвёртый месяц.
Скоро смогу взойти на небо без всяких
лестниц!

Раз в месяц езжу на кладбище, где похоронены
мать и батя
(они всю жизнь проработали
на целлюлозно-бумажном комбинате).
Отец в единственном выходном костюме,
мать в единственном выходном платье.

Всё чаще кажется, что время струится мимо.
Поскольку лучшее недостижимо, то все
уже непоправимо.
Смотрю в окно, курю сигареты «Прима».

✿ ✿ ✿

Я УХОДИЛ бродить в парк тёмный, как душа,
а возвращался, когда было совсем светло,
и писал о себе книгу, чтоб убрать её под стекло,
но убирал себя, чтобы книга могла дышать.

Я выводил себя, как пятно,
чтобы книга выйти могла на прогулку в парк,
как я выходил, когда было совсем темно,
чтоб не оставаться в обществе книг и бумаг,

как оставалась книга моя под стеклом
и смотрела в окно, как я уходил в тёмный парк,
и тогда она начинала хозяйничать за моим
столом,
среди моих книг и бумаг.

Вот тогда-то она написала себя — так
получился я,
который возвращался, когда светло,
писать книгу, неизменно списывая с себя,
чтоб убрать её под стекло.